

Дверь карцера раскрылась.

-- Ратибор, на выход! – рявкнул надзиратель.

Я неторопливо поднялся с холодной бетонной плиты, что служила мне постелью.

Карцер – это наказание в наказании, что-то вроде бонусного уровня в аду. По всем законам и международным конвенциям его тут не должно быть, потому что это пытка, а пытки запрещены.

Однако, в Седокамской колонии для несовершеннолетних карцер играет важнейшую роль в «перевоспитании».

Заключённый в карцере не может питаться в столовой, а еду ему приносят надзиратели.

Ровно столько, сколько захотят, и чаще всего это кружка воды и корочка хлеба.

Недостаток калорий обрекает узника на истязания мерзлой сыростью.

И всё же самое страшное в карцере -- не голод, и даже не продирающий до костей холод, а ограниченность пространства. Крохотная комнатуха два на два метра сдавливает узника со всех сторон, с каждым днём всё сильнее и сильнее до тех пор, пока он не сломается.

Они называют это «перевоспитанием».

-- Быстрее! – забывшись, надзиратель потянулся ко мне.

Я боднул его прямо в лицо, с наслаждением вслушиваясь в хруст ломающегося носа.

Не стоит забываться.

Вам не удалось сломать меня. И никому не удастся.

-- Ах ты мелкий засранец! – закричал второй надзиратель, с дубинкой наперевес заскакивая в карцер.

Зря он это сделал. Три человека – слишком много на столь маленькую комнатуху. Не развернуться и не ударить.

Вжавшись в стену, я ногами отбивался отседающих надзирателей, которые никак не могли скоординировать действия. Первый, с кровоточащим носом, старался выдернуть меня в коридор, а второй – побольнее ударить дубинкой.

-- Немедленно прекратите! – грозно окликнул нас женский голос.

Надзиратели послушно отпрянули, и в дверном проёме показалась голубоглазая блондинка в чёрном деловом костюме с чёрным галстуком на фоне белой рубашки.

Мешковатой брючной паре не удалось скрыть соблазнительные изгибы фигуры – особенно для изголодавшегося взгляда зэка. На вид лет ей лет двадцать пять.

-- Ты! – строго обратилась девушка в чёрном ко мне. – Иди за мной, надзиратели тебя не тронут.

-- Зачем? – поинтересовался я.

-- Не спорь! – она сердито нахмурила очаровательные бровки. – Я тебе всё объясню, но с глаза на глаз.

-- Вам не идёт быть строгой, у вас мягкое лицо, -- честно сказал я.

Блондинка в чёрном костюме действительно зачем-то пыталась казаться суровой и деловой, но ей мешали восхитительно пухлые алые губки, чуть вздёрнутый носик и веснушки, обрамлённые в плавный овал лица. Она не красилась, видимо, чтобы казаться взрослее, но это давало обратный эффект.

-- Не важно, что мне идёт, а что – нет! -- поджав губы, ответила девушка. – Выходи, Ратибор, я не из ФСИН-а.

-- Хорошо, принимайте, -- улыбнулся я и вышел из карцера.

Надзиратели отшатнулись, вскинув наготове дубинки, но блондинка в чёрном осталась на месте. Отважная? Нет, просто не знает меня так же хорошо, как два трясущихся от страха и гнева надзирателя.

Я послушался её не потому, что в глазах блондинки читалась доброта, крайне редкое качество в нашем заведении. Нет, разумеется нет. Доброта обещает лучшее будущее, но первое, чему учит карцер – ничего хорошего тебя не ждёт. И верно, доброта всегда заканчивается, а карцер... карцер остаётся навсегда.

Этот урок я вызубрил крепко-накрепко.

Тогда почему же я вышел? Всё просто -- потому что девушка в чёрном красива. И пахнет, ммм, как же вкусно она пахнет чем-то фруктово-терпким. Я еле сдержался, чтобы не укусить её. Надо же, стоит всего в двух шагах и не боится!

-- А откуда вы? Стоп, я угадаю! Судя по одежде, вы из Бюро, -- предположил я.

-- Из какого Бюро? – удивилась она. – У нас Агентство.

-- Это какое? – удивился и я.

-- Очень секретное, так что поговорим не здесь, следуй за мной!

Девушка в чёрном развернулась и, не оглядываясь, зацокала каблучками строгих чёрных туфель по коридорному ламинату.

-- Агент! – окрикнул я блондинку и указал на надзирателей. – Вы забыли стереть им память нейтрализатором!

Обернувшись, девушка задумчиво посмотрела на меня. Было видно, что она над чем-то размышляет.

-- А! Поняла, это шутка! – наконец, догадалась блондинка, смешно стукнув кулачком по открытой ладонке.

Однако, нет ни улыбки на нарочито строгом лице, ни озорства в чуть сощуренных глазах.